

рассказывать о тех эпохах русской истории, о которых говорит летопись, с прежней легкостью в отношении к этому источнику. Всякий исследователь должен теперь приступать к эпохе через изучение сводов, зародившихся в ту пору, как бы ни была тяжела и трудна эта задача, потому что иначе он во многом не поймет, не сумеет прочитать то, о чем и как говорит летопись».²⁸ Тесно связывая свои исторические построения с филологическими трудами А. А. Шахматова, М. Д. Приселков, однако, с самого начала своей научной деятельности отчетливо осознавал отличие стоящей перед ним задачи от научных задач, стоявших перед его предшественником. Возражая во время своего магистерского диспута С. Ф. Платонову, М. Д. Приселков говорил, что «для А. А. Шахматова текст — цель, для него же самого цель — история».²⁹ Задача перестройки истории всей древней Руси под углом нового подхода к летописанию была поставлена в историографии не А. А. Шахматовым, а М. Д. Приселковым.

Задача эта, на наш взгляд, не потеряла своей актуальности и в наше время; ее никак еще нельзя считать решенной. До сих пор, широко используя летописи, мы еще не учитываем тех специфических тенденций, которые проходят через большинство дошедших до нас летописных сводов и окрашивают все изложение этих сводов. М. Д. Приселков впервые обратил внимание на то, что традиционная схема, согласно которой политический центр жизни древнерусских княжеств перешел в XII в. из Киева во Владимир, была создана владимирским великокняжеским сводом 1177 г., а из него перешла в более позднее владимирское и московское летописание. «С удивлением видим, — указывал М. Д. Приселков, — что схема эта была принята как основа ученого построения хода русской истории в трудах не только дворянских историков XVIII и первой половины XIX веков, слепо следовавших за изложением поздних московских летописных сводов, но и в трудах буржуазных историков второй половины XIX и начала XX веков. Ключевский, как известно, формулировал эту политическую мысль владимирского сводчика 1177 г. как будто итог своих научных разысканий. . . Однако как для времени своего появления, так и для последующих времен построение владимирского политика и летописателя грешило самым решительным искажением фактов, понятным и простиительным для сводчика 1177 г., закрывавшего глаза, в виду страстной борьбы за эту идею, на многие факты, его идее противоречащие, но совершенно непонятым и непростиительным для историков, без изучения фактов прошлого, без критики летописных текстов пошедших за этим построением конца XII века».³⁰

Не менее глубокий след оставили в историографии и политические тенденции московского летописания.³¹ До сих пор, говоря о борьбе Москвы за объединение русских земель, о соперничестве московских князей с другими политическими силами Руси, мы в значительной степени опираемся не на действительные факты (которые могут быть установлены лишь путем критического исследования всех доступных источников), а на тенденциозные рассказы московских летописцев. Едва ли это допустимо: признавая прогрессивный характер объединения Северо-Восточной Руси в XV в., мы вовсе не должны при этом представлять себе это объединение в тех идил-

²⁸ М. Д. Приселков. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС. Пгр., 1922, т. XXV, стр. 134. Ср. аналогичное замечание в его более ранней рецензии на В. Пархоменко: ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, СПб., 1914, стр. 368.

²⁹ Научный исторический журнал, т. II, вып. 1 (№ 3). СПб., 1914, стр. 138 (протокольный отчет).

³⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 73.

³¹ Там же, стр. 6, 7, 10, 136—139, 176, 183—186.